

ПОЛИТИЧЕСКАЯ (ДЕ)МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ 1990-х ГОДОВ: ПОВОРОТНЫЕ СОБЫТИЯ И МОДЕЛИ КОНФЛИКТНОЙ ДИНАМИКИ

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; профессор кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, email: nrozov@gmail.com

Розов Н.С. 2024. Политическая (де)модернизация России 1990-х годов: поворотные события и модели конфликтной динамики. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 142–161. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.10>. EDN: MWVFRZ

Статья поступила в редакцию: 04.12.2023. Принята к публикации: 16.02.2024

Аннотация. Предложен комплекс теоретических моделей, объясняющих сложную политическую динамику в России 1990-х годов. С помощью *параметрической модели* проанализирована колебательная динамика политической системы в условном пространстве, заданном двумя осями: шкалой коллегиального разделения власти (КРВ) и шкалой государственного успеха (ГУ). Крупные поворотные события, как тесно связанные между собой структурные изменения, сдвигают состояние политической системы по обоим осям. Политическая модернизация происходит при росте ГУ и КРВ, тогда как демодернизация фиксируется падением по одной или по обоим шкалам. В *модели контуров*, сочетающей процессы structure и agency, учитываются два контура политической динамики. В большом — социально-политическом — контуре поворотные события воздействуют на низовые структуры и процессы, связанные с объективными условиями жизни и с субъективными настроениями, поведенческими установками широких групп населения. В малом контуре (взаимодействия политических акторов, включая соперничество и конфликты между ними) те же поворотные события меняют расстановку сил главных игроков национального политикума. Сформулированы общие принципы динамики КРВ и ГУ в их взаимосвязи, инициируемой поворотными событиями, в свою очередь обусловленными взаимодействием акторов в малом контуре под влиянием процессов в большом контуре. Предложена пошаговая модель, в рамках которой прописаны механизмы конфликтной динамики и социально-политических процессов 1990-х годов в России, когда процессы политической модернизации стали дополняться, а затем и замещаться трендами демодернизации.

Ключевые слова: политическая модернизация, политическая демодернизация, поворотные события, конфликтная динамика, коллегиальное разделение власти, легитимность, вызовы и ответы, расстановка сил, российская политика в 1990-е годы.

СОБЫТИЯ И ПРОЦЕССЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

1990-е годы — один из наиболее ярких и насыщенных периодов в политической истории России. Распад СССР, прекращение коммунистического (советского) проекта, переход к рыночной экономике и всенародным выборам формировали режим острой кризисной и конфликтной динамики. Социальному и политическому анализу такого рода периодов посвящен большой массив литературы, в том числе об инверсии политического развития, о сопряжении

процессов модернизации и демодернизации [Hellman 1998; Carothers 2002; McFaul 2002; Шлейфер, Трейсман 2004; Клямкин 2007; Пантин, Лапкин 2007; Hale 2015; Понимая “девяностые” 2013; Rabkin, Minakov 2018; Демонтаж коммунизма... 2021; Снеговая*¹ 2023]. Большое разнообразие подходов и интерпретаций не снимает, а обостряет проблему эксплицитного объяснения политической динамики 1990-х годов на основе явно сформулированных общих принципов конструктивных моделей. В данной работе предпринят шаг именно в этом направлении.

Выбор подхода, объяснительных принципов, типов моделей и обоснование выбора — отдельная методологическая задача. Не углубляясь в эти сложные материи, дадим лишь краткие мотивировки трех предложенных моделей динамики.

Крупные поворотные события сдвигают состояние политической системы в параметрическом пространстве. Было бы странно для одного десятилетия предлагать особые экзотические параметры. Правомерно допущение, что сдвиги и колебания совершались в той же системе координат, которая была значима для российской политики в историческом прошлом и остается значимой до сих пор.

Если уж речь зашла о колебаниях, то вполне естественно обратиться к множественным концепциям российских циклов [Янов 1997; Hellie 2005; Ахиезер 1997; Пантин, Лапкин 2007; Клямкин 2007; Розов 2011]. Практически все версии предлагаемых или подразумеваемых параметров циклических колебаний центрируются вокруг двух осей (шкал). Одна из них включает значения смыслового гнезда: *свобода* (демократия — либерализм — конституционализм — защита собственности — права человека) на одном полюсе и *несвобода* (самодержавие — диктатура — консерватизм — реакция — крепостничество — репрессии) — на другом полюсе. Другая ось соединяет полюс *успех — величие* (победа — триумф — стабильность — порядок) с противоположным полюсом *потрясение — распад* (поражение — унижение — нестабильность — смута — безвластие).

Как мы увидим далее, бурная динамика 1990-х годов включала сдвиги и колебания в тех же осях, только движения, перепады в этот период были особенно быстрыми, резкими и размашистыми.

В двумерном пространстве, соединяющем обе шкалы (см. рис. 1), оси X сопоставлена шкала *коллегиального разделения власти* (КРВ) как основы демократичности политической системы, личной свободы и защищенности собственности [Коллинз 2015: 201–218]. На одном полюсе этой шкалы (правый край на рис. 1) — максимальное разделение власти, когда взаимодействуют несколько автономных ресурсно оснащенных политических центров. Такое правление обычно обозначается как “развитая система сдержек и противовесов”². В ее рамках политические субъекты признают законность друг друга,

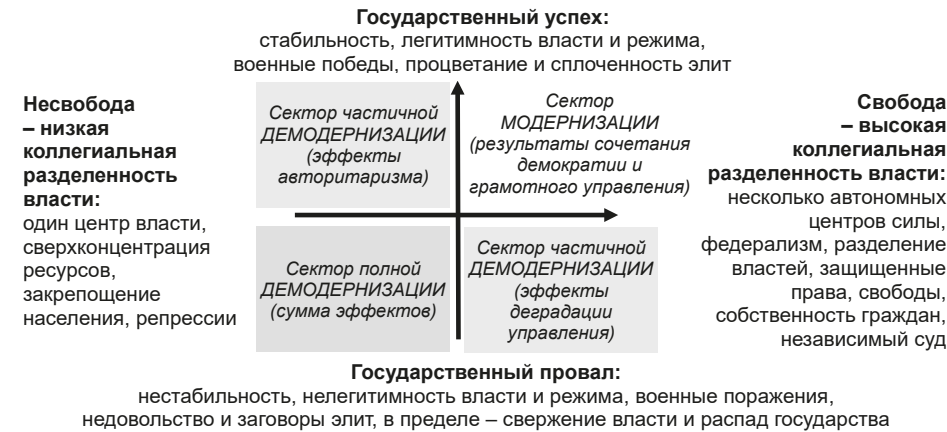
¹ Здесь и далее в статье * означает физическое лицо, признанное СМИ — иностранным агентом.

² Относительно “сдержек и противовесов” нет отдельной развитой теории. В основных отечественных и западных справочниках и в специальной литературе этот концепт сводится к “разделению властей”, которое составляет значимый аспект КРВ, но не исчерпывает его. Межпартийная борьба в парламентах, сложные взаимодействия между центром и регионами, между разными силовыми структурами, между министерствами внутри правительства, между центральными финансовыми ведомствами, между органами территориального и ведомственного управления также относится к КРВ. Наиболее близка

борются за власть легальными методами, причем стать победителем на ограниченный срок может каждый, но никакой из них нельзя уничтожить или силовыми методами исключить из соперничества. На противоположном полюсе КРВ (левый край на рис. 1) с полной монополией и концентрацией власти “сдержки и противовесы” отсутствуют. Здесь есть только один центр власти, соперничающие политические силы вытеснены или уничтожены, а если есть оппозиция, то она полностью подчинена, имеет сугубо имитационный характер. Такое правление обозначается, в соответствии со степенью концентрации власти, как “тирания” либо же “диктатура”, “самодержавие”, “автократия”. Шкалу КРВ, с определенными оговорками, можно соотнести с колебаниями (циклами) реформ – контрреформ, описанными разными авторами [Янов 1997; Пантин, Лапкин 2007].

Рисунок 1 (Figure 1)

**Условная система координат, описывающая российские циклы
в двумерном параметрическом пространстве
по осям КРВ (коллегияльного разделения власти) и ГУ (государственного успеха)**
*A conditional coordinate system describing Russian cycles
in a two-dimensional parametric space along the axes of collegial division of power and state success*

Ось Y означает *государственный успех* (ГУ) – шкалу, верхний полюс которой объединяет уровни легитимности власти и режима, лояльности и сплоченности элит, социально-политической стабильности, геополитического могущества и геоэкономического, геокультурного, технологического престижа страны. Соответственно, подъемы по той же шкале представляют собой периоды восстановления целостности и могущества государства, легитимности власти и режима. Противоположный полюс данной шкалы соответствует полному государственному распаду. Каждый социально-политический кризис, тем более революция, отображается как быстрое падение. В кон-

к идее КРВ известная метафора, приписываемая Бенжамину Франклину: “Демократия – это договоренность о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами”. Иными словами, каждая сторона (центр силы) обладает своими ресурсами, ее нельзя уничтожить, подавить, устранить. Поэтому стороны не “стреляют”, но мирно договариваются о правилах дальнейших взаимодействий, ограничивая чьи-либо чрезмерные поползновения, препятствуя узурпации власти [Розов 2008].

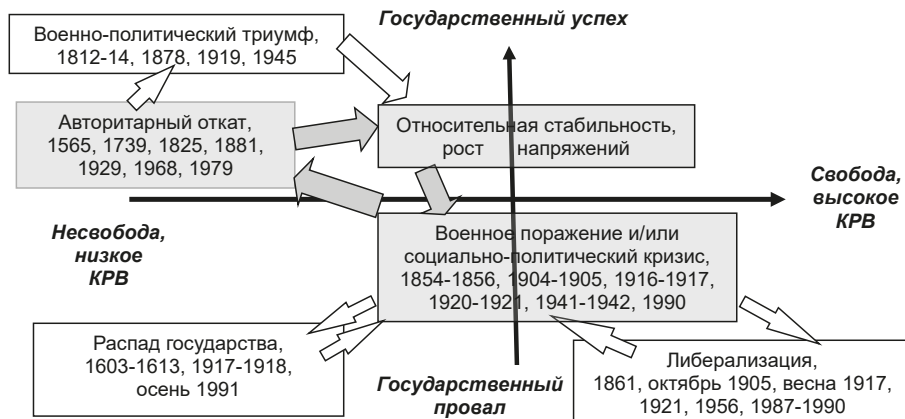
цепции Ричарда Хелли каркас истории России задан последовательностью “революций служилого класса” и соответствующими циклами [Hellie 2005]. Колебания в этих циклах происходят как подъемы и спады именно в шкале государственного успеха.

В рамках данной модели *политическая модернизация* происходит при устойчивом росте ГУ и КРВ, что, как правило, связано с эффективным государственным управлением, высокой легитимностью власти и режима, мирным и институциональным разрешением конфликтов, самоподдерживающимся экономическим ростом и демократизацией [Коллинз 2015: 264-293].

Соответственно, определим *демодернизацию* как падение по обоим шкалам или по любой из них³. В качестве иллюстрации на рис. 2 представлены годы ярких манифестаций основных фаз циклической динамики в данном параметрическом пространстве.

Рисунок 2 (Figure 2)

Тренды циклической динамики и годы наиболее ярких проявлений ее основных фаз
Trends in cyclical dynamics and the years of the most striking manifestations of its main phases

Примечание к рис. 2 и 3. Светлыми стрелками обозначены тренды, наблюдаемые в *большом* — социально-политическом — *контуре*, темными — поворотные события в *малом контуре*, меняющие расстановку сил главных акторов национального политикума. Подробнее — в разделе “Источники и факторы поворотных событий”.

Действительно, неустойчивость, хрупкость, слабость государства, тем более его глубокий кризис, вплоть до революции и распада, указывают на неспособность правителей и элит адекватно ответить на актуальные внешние и/или внутренние вызовы-угрозы. Современных стратегий нет, тогда как прежние

³ Теоретические основания для этого концептуального решения таковы. Модернизация (в целом) понимается как результат четырех линий развития: секуляризации, бюрократизации, капиталистической индустриализации и демократизации (включающей рост коллегиального разделения власти, расширение избирательного права, рост защищенности прав и свобод граждан) [Коллинз 2015: 264-293]. Демодернизация (в целом) может происходить при падении показателей по всем четырем или по отдельным направлениям. Политическая демодернизация является ее аспектом и имеет место либо 1) при падении КРВ (как стороны демократичности), либо 2) при падении ГУ (обычно связанном с деградацией государственного управления, военными поражениями из-за разложения гражданской и силовой бюрократии, а также с затяжным бюджетным кризисом из-за провалов в экономической политике), либо 3) при снижении обоих параметров.

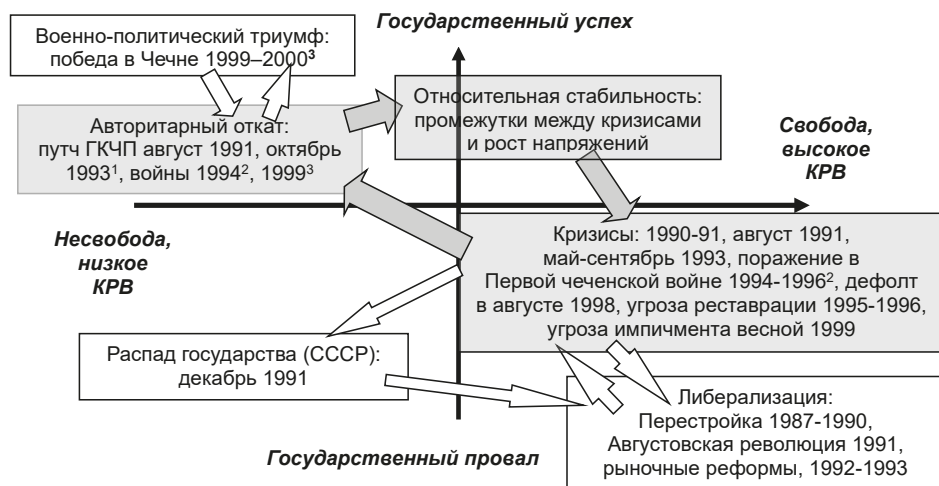
неадекватны. Если же при устойчивости и даже успешности государства остается низкой или падает КРВ, то политическая система теряет гибкость, стагнирует. В этих условиях любые “прогрессивные”, или “модерные”, изменения приходится проводить принудительно, с опорой на архаические практики. При этом перехода к самоподдерживающемуся росту в экономической, технологической, социальной, культурной сферах, характерному для полноценной модернизации, не происходит. Стагнация рано или поздно подрывает саму силу монопольной власти, ее успешность, легитимность и устойчивость, ее способность к принуждению падают, к чему рано или поздно добавляются провалы государства.

Пусть с оговорками, политические события 1990-х годов раскладываются по тем же фазам, что и в предшествующих исторических циклах (см. рис. 3).

Рисунок 3 (Figure 3)

**Тренды циклической динамики и основные политические события 1990-х годов,
соответствующие типовым фазам российских циклов**

*Trends in cyclical dynamics and main political events of the 1990s,
corresponding to typical phases of Russian cycles*

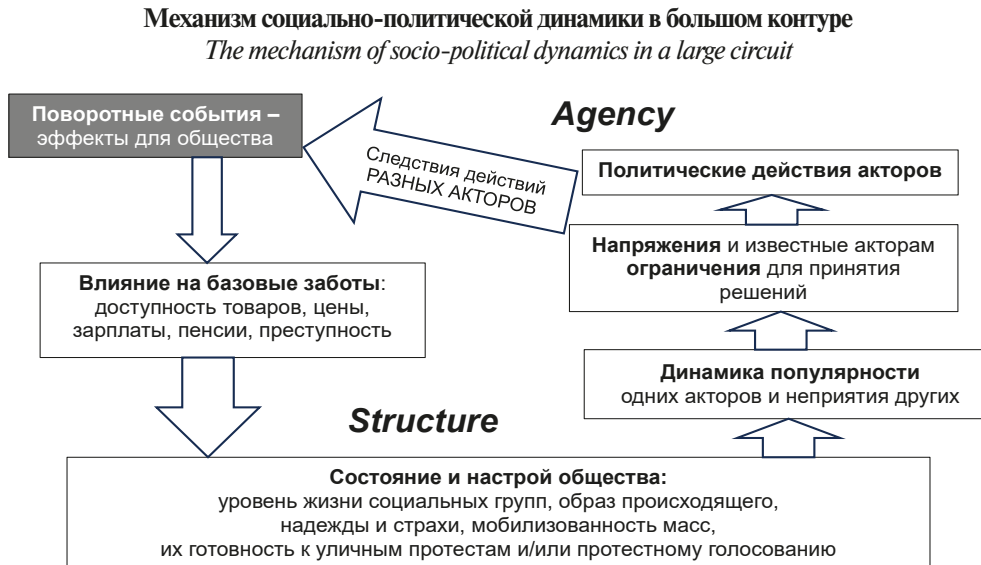
Примечание к рис. 3. ¹ Политический кризис, 21.09 – 04.10 1993, завершившийся разгоном Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. ² Первая чеченская война, 11.12.1994 – 31.08.1996 (Операция по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-1996 гг., Вооруженный конфликт в Чеченской Республике и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации). ³ Вторая чеченская война, 07.08.1999 – 20.04.2000 (Вторая чеченская кампания в рамках контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона).

ИСТОЧНИКИ И ФАКТОРЫ ПОВОРОТНЫХ СОБЫТИЙ

Поворотные события являются интегральными следствиями действий и стратегий разных *акторов*, которые отвечают на свои *вызовы-угрозы* и *вызовы-возможности*. Политическая динамика происходит на многих уровнях и через несколько контуров – причинных цепочек событий и действий. Нет сомнений, что в российской политике 1990-х огромную роль играл личный фактор. Речь здесь должна идти о М.С. Горбачеве, Б.Н. Ельцине,

Е.Т. Гайдаре, их сподвижниках, политических противниках, но не только о них и не только в столице. Вместе с тем 1990-годы — период глубоких структурных преобразований — то, что по праву называют “тектоническими сдвигами” в политическом устройстве, экономике, социальных порядках, ментальности больших групп населения. В соответствующей модели контуров, объединяющей подходы *structure* и *agency*, учитываются следующие два контура, два круговорота социальных взаимодействий⁴. В *большом* — *социально-политическом* — *контуре* поворотные события воздействуют на обширные политико-экономические структуры, ответственные за безопасность, благосостояние, настроения и поведенческие установки широких социальных групп, изменяющие ход множественных процессов в стране (см. рис. 4).

Рисунок 4 (Figure 4)

В *малом контуре* те же поворотные события меняют расстановку сил главных акторов национального политикума, прежде всего в столице и структурах верховной власти, что выражается в подъемах и спадах политического веса, влиятельности акторов, их назначениях и отставках, электоральных выигрышах и проигрышах, изменениях в отношениях, полномочиях, возможностях, ограничениях действий, доступе к ресурсам и т.п. (см. рис. 5).

В общем случае поворотные события порождаются сочетанием “естественных” процессов, которые “назревают”, подготавливают их, а также взаимодействием акторов:

а) следствия прошлых поворотных событий, в том числе продолжающиеся стратегии акторов, влияют на множественные процессы на низовом уровне в *большом контуре*; так меняются уровни благосостояния, безопасности, характер настроений, ожиданий, *политических предпочтений, мобилизованности*

⁴ В качестве отдельного *большого контура* следует представлять не менее важные и также бурно менявшиеся в 1990-е годы отношения между центральными и региональными властями. Этот аспект политической динамики требует особого анализа, что выходит за рамки данной работы.

разных социальных групп, в том числе чиновничества, силовых структур, региональных элит и групп избирателей;

б) конъюнктура экспортных цен, меняющаяся собираемость налогов и пошлин в *большом контуре*, другие значимые ресурсные изменения становятся вызовами-угрозами и вызовами-возможностями для акторов *малого контура*;

в) в результате процессов (а-б) в *большом контуре* происходят подъемы электоральной, финансовой, низовой административной, силовой *поддержки* одних акторов и падения поддержки других, что, как правило, приводит к сдвигам в их положении, легитимности в *малом контуре*;

г) акторы с административными полномочиями в *малом контуре*, отвечая на поступающие вызовы (а-в), в той или иной мере подчиняясь правилам и ограничениям для своих позиций, производят *институциональные изменения* (обновление организаций, правил, целей и порядка деятельности) и *кадровые замены*; эти действия вместе с продолжающимися стратегиями других акторов производят новое поворотное событие, после чего цикл замыкается.

Рисунок 5 (Figure 5)

Механизм социально-политической динамики в малом контуре
The mechanism of socio-political dynamics in a small circuit

ПРИНЦИПЫ ДИНАМИКИ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Массовое доверие к власти, легитимность правления и лидеров, занимающих высшие позиции, являются важными составляющими социально-политической стабильности, а значит, *государственного успеха*. Падение легитимности каждого актора, особенно занимающего выборную должность, всегда становится вызовом-угрозой, требующим ответных действий. Последние могут стать вкладом в новые поворотные события, меняющие положение системы не только в шкале ГУ, но и в шкале КРВ.

Легитимность верховной власти растет либо падает согласно следующим принципам, которые сформулированы на основе классических и современных идей [Макиавелли 2020: 94-109; Вебер 2016: 281-283; Голдстоун 2015: 69-70].

Принцип эффективности. Власть надежно обеспечивает базовые заботы широких кругов населения – в безопасности, получении приемлемого дохода и самоуважения. Либо власть демонстрирует устойчивую неспособность к этому.

Принцип оправданной силы. Власть сурово наказывает тех, кто в массовом сознании считается опасным врагом или вредным изгоем. Либо власть показывает себя слабой, безвольной по отношению к ним, при этом слишком жестоко подавляет тех, кто в массовом сознании этого не заслужил.

Принцип справедливости. Власть распределяет блага и ресурсы согласно широко принятым представлениям о должном порядке раздач. Либо власть распределяет блага и ресурсы “нечестно”, особенно в пользу не заслуживших, непопулярных, заносчивых, и так уже богатых.

Принцип Вебера. Власть одерживает славные военные победы, демонстрирует свою влияние на внешней арене, где более слабые выражают почтение, а самые сильные признают значимость, паритетность или даже превосходство “нашего” лидера и “нашей” страны. Либо власть терпит унижительные военные поражения, явно не пользуется уважением на внешней арене, где даже более слабые выражают пренебрежение.

Как же отвечают правящие акторы на падение своей легитимности?

Принцип соскальзывания (к административному и силовому полю). При обострении соперничества или конфликта акторы, обладающие полномочиями и ресурсами в организационной, кадровой, силовой сферах, отвечая на вызовы-угрозы со стороны более слабых в этих сферах политических противников, склонны к административному и/или силовому подавлению, если только не ожидают еще большего ущерба для своей легитимности⁵.

Принцип Скиннера (позитивного и негативного подкрепления). При выигрыше актер склонен в дальнейшем распространять черты успешной стратегии в других сферах: выбирать такие же поля взаимодействия, ставить сходные задачи, использовать такого же типа ресурсы, привлекать такого же типа союзников и т.д. При проигрыше, тем более при серии досадных поражений, актер, как правило, переживает рефрейминг (смену установок) и в зависимости от своей интерпретации неудачи существенно меняет черты своих дальнейших стратегий: переходит на другие поля борьбы, использует другие ресурсы или борется за них, отмежевывается от прежних союзников и ищет новых, начинает нарушать ранее соблюдавшиеся границы и запреты.

ПРИНЦИПЫ ДИНАМИКИ КРВ

Низкий уровень КРВ (выражающийся в отсутствии автономности политических акторов с отношениями полного подчинения или антагонистической борьбой за полноту власти между ними) складывается при сочетании нескольких условий из следующего ряда:

– есть сильный позитивный опыт лидерства и даже жесткой гегемонии (тирании), который ассоциируется с внешними военными победами, наведением приемлемого для элит и/или масс внутреннего порядка (см. выше *принципы Вебера и Скиннера*);

⁵ Здесь необходимо уточнение, поскольку для разных акторов в разных ситуациях наиболее значимы разные типы легитимности, такие как *популярная* (в перспективе новых неконтролируемых выборов), *силовая* (со стороны армии, полиции, спецслужб), *бюрократическая* (со стороны чиновничества), *авторитетная* (со стороны лидеров общественного мнения), *медийная* (со стороны главных СМИ), *международная* (со стороны основных союзников, ведущих держав, влиятельных наднациональных структур и организаций). В общем случае акторы стремятся сохранять и повышать ситуативно и субъективно наиболее значимую для них легитимность, жертвуя позициями в легитимности остальных типов.

– для большинства акторов периоды двоевластия или многовластия ассоциируются с жестокой бескомпромиссной борьбой, военными, политическими провалами, разрушением приемлемых порядков, падением благосостояния; также у большинства акторов нет позитивного опыта честной конкуренции по правилам, минимального взаимного доверия между акторами, поскольку в прошлом проигравшие теряли позиции, ресурсы и оказывались подавлены, вытеснены с политического поля (см. *принцип Скиннера*);

– при обострении соперничества или конфликта ресурсы одного актора или узкого альянса намного больше ресурсов любого из соперников, которые по каким-то причинам не способны объединиться (см. *принцип соскальзывания*);

– подавление (подчинение, вытеснение, уничтожение) более слабых соперничающих акторов считается обычным и допустимым поведением в политической борьбе; это подавление не вызывает сопротивления и решимости объединяться для защиты от притеснений, репрессий (ср. с *принципами оправданной силы и соскальзывания*).

Отметим, что провал по оси государственного успеха при низкой КРВ не способствует ее повышению, но только обрушивает легитимность правителя (если он не сумел отвести от себя обвинения). Как правило, при таком провале повышается легитимность соперников и противников правителя, растет вероятность государственных переворотов, а в демократических системах следует ожидать проигрыш неудачливого правителя и его сподвижников на выборах.

Провал по оси государственного успеха при высокой разделенности власти (коллегиальной или конфликтной, например, при антагонистическом двоевластии) делегитимирует любую разделенность и повышает общие стремления к монополизации власти в одних руках (поиск “Спасителя Отечества”), что в дальнейшем побуждает акторов к “игре в царя горы” (см. *принцип Скиннера*).

150

ГЛАВНЫЕ ПОВОРОТНЫЕ СОБЫТИЯ

И ЭТАПЫ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ НАЧАЛА 1990-х ГОДОВ

Конфликтная динамика 1990-х годов в *малом контуре* предстает как череда кризисов, противостояний, вызовов и ответов акторов преимущественно на столичной арене, что получало свое отражение в общероссийских медиа. Описания и интерпретации политических процессов 1990-х годов весьма обильны, причем с разных сторон, в разных жанрах и с разной степенью детализации, например, в [Ельцин 1994; Хасбулатов 1994; Hellman 1998; Hale 2015; Понимая “девяностые” 2013; Демонтаж коммунизма... 2020; Снеговая* 2023].

Провал путча (август 1991 г.). До августовских событий главную политическую арену занимали М. Горбачев, недавно ставший президентом СССР, и республиканские лидеры и элиты, в том числе только что избранный президент РСФСР Б. Ельцин.

Напряжения между союзными республиками и Центром Горбачев собирався преодолеть, готовя новый Союзный договор. При удаче можно было бы говорить о *повышении уровня КРВ*, по крайней мере до новых напряжений и кризисов. Однако подготовка этого договора стала вызовом-угрозой для высших чинов, прежде всего глав союзных силовых ведомств, которые в новой политической структуре теряли свои позиции.

Ответом на эту угрозу и стала попытка переворота ГКЧП. Силовые действия этой группы под фактическим руководством председателя КГБ

В. Крючкова вполне соответствуют *Принципу соскальзывания*. Последующий провал путча и победа защитников Белого дома закономерно привели к взлету легитимности Ельцина и фактическому обретению им основных властных полномочий в силовой и административной сферах. Имело место также *сочетание большинства условий низкого КРВ* (см. выше).

Распад СССР (осень 1991 г.). На следующем этапе, после ареста членов ГКЧП и переподчинения главных союзных ведомств российскому руководству во главе с Ельциным, расстановка сил кардинально поменялась. Формально сохранявший пост президента СССР Горбачев фактически был лишен полномочий, легитимность его обрушилась (см. *принципы оправданной силы и эффективности*).

В этой ситуации Ельцину и его команде предстояло установить новый модус отношений с руководством других союзных республик, причем в условиях, когда почти повсеместно там проводились референдумы с направленностью на выход из Советского Союза. В тот период не нашлось ни одной политической силы с достаточными ресурсами и народной поддержкой, которая была бы готова бороться за сохранение Союза.

Добровольное соглашение глав трех славянских республик в Беловежье и создание СНГ, к которому позже присоединились остальные республики (кроме Эстонии, Литвы и Латвии), следует считать *высоким уровнем КРВ* в рамках новой структуры. Действительно, два первых условия были выполнены: а) *сильный негативный опыт гегемонии* союзных структур в отвергнутом коммунистическом режиме (*принцип Скиннера*), б) ни один актер тогда не только не был способен подавить остальных, но ни у кого не было даже таких интенций.

Последующие центробежные тенденции, делавшие изначально рыхлую конфедерацию СНГ все более слабой и нелегитимной, были обусловлены как внутренними кризисами и трендами национального развития в каждом новом государстве, так и внешними *вызовами-возможностями*, склонявшими их лидеров и элиты к более самостоятельной и многополярной политике. Чего не было, так это общих *вызовов-угроз извне*, а значит, необходимости объединять усилия, ресурсы для борьбы с опасным внешним противником. Иными словами, не сложились условия для создания оборонительной коалиции, способной скрепить горизонтальную солидарность и сплоченность членов конфедерации⁶.

Испытание реформами (1992-1993 гг.). Сложность этого крайне драматичного периода новой России усугубляется неизбежной политизированностью интерпретаций. Сосредоточимся на динамике КРВ в связи с процессами в *большом* — социально-политическом — *контуре* и *малом контуре* эскалации известного конфликта между президентом (вместе с правительством “младореформаторов”) и Съездом народных депутатов (в котором ведущую роль играли лидеры Верховного Совета).

В *большом контуре* действия правительства Е. Гайдара с взрывной инфляцией, падением уровня жизни большей части населения, а также явное ослабление государства, рост преступности значительно снизили популярность

⁶ Исключением являются сильные внутренние и внешние угрозы Таджикистана, обусловившие гораздо более крепкий его союз с Россией, чем у остальных членов СНГ. Однако очевидное ресурсное и военно-политическое доминирование России в этой паре, слабость и зависимость Таджикистана не позволяют говорить в данном случае о высоком уровне КРВ.

президента Ельцина и правительства. Эта делегитимация в широких массах стала политическим *вызовом-возможностью* для их противников в Съезде народных депутатов и Верховном Совете.

В *малом контуре* проведение процедуры выбора премьера из предложенных из одобренных Съездом мягким рейтинговым голосованием кандидатур и назначение В. Черномырдина в декабре 1992 г. стало на время вполне успешным компромиссом. Однако противостояние между президентом и лидерами Съезда народных депутатов только нарастало.

Вплоть до второй половины сентября 1993 г. продолжались попытки согласования проектов Конституции, причем не удавалось достичь согласия в коренном вопросе о политическом устройстве (институциональном дизайне): с преимуществами в полномочиях парламента или президента.

Результатом многоэтапной эскалации конфликта (с января 1992 г. по сентябрь 1993 г.) стал такой уровень антагонизма, который стороны оказались уже неспособны разрешить мирными средствами.

“Победа” президента. Согласно *принципу соскальзывания*, акторы с преимущественными полномочиями и ресурсами в организационной, кадровой, силовой сферах при обострении склонны решительно действовать в административном и силовом поле. Действительно, Ельцин не только отстранил А. Руцкого от должности вице-президента, но с начала сентября вплотную готовил роспуск Съезда и Верховного Совета, заручился поддержкой милиции и военных [Ельцин 1994: 329-333], издал известный Указ 1400.

Если весной и летом 1993 г. при сравнимой популярной легитимности президента и Съезда (судя по результатам апрельского референдума) уровень КРВ был низким из-за отсутствия взаимного доверия, обоюдной крайне агрессивной риторики, то после октябрьской силовой победы Ельцина разделенность власти ожидаемо упала еще сильнее. Сработали почти все факторы, снижающие КРВ (см. выше). Победа была закреплена в Конституции (декабрь 1993 г.), в которой президент стал возвышаться над тремя ветвями власти.

Учтем также, что шок от танковых залпов в Москве и немалого числа жертв был воспринят элитами и массами как нечто неприемлемое, не столько как успех, сколько как провал государственной политики. *Принцип оправданной силы* здесь сыграл на делегитимацию “победителя”. В демократических системах следует ожидать электоральный выигрыш оппонентов, проигрыш пропрезидентской партии, что и произошло на выборах в Думу в декабре 1993 г. Разочарование либеральной общественности результатами (суммарное преимущество ЛДПР и КПРФ над гайдаровским “Выбором России”) выразилось тогда в сакраментальном возгласе Ю. Карякина “Россия, одумайся, ты одурела!”.

Октябрьские события оказали также долговременный эффект на политическую культуру общества. В сложившемся в 1992-1993 гг. антагонизме высших органов власти провал нормальной, мирной государственной политики еще сильнее укрепил традиционное российское неприятие “двоевластия” как ведущего к чему-то дурному и опасному, повысил стремления к монополизации власти в одних руках (см. *принцип Скиннера*).

Но поскольку в *большом контуре* Ельцин и его команда уже теряли популярность (см. выше результаты думских выборов 1993 г.), а массы стали восприимчивы к какому-то новому “Спасителю Отечества”, то в *малом контуре* акторы стали готовиться к новым турам “игры в царя горы”.

ЛЕГИТИМНОСТЬ И ВЛАСТЬ ВАЖНЕЕ РЕФОРМ?

Последующие бурные шесть лет 1990-х годов можно расписывать по месяцам, неделям, а иногда даже дням и часам, но это лишь детали сохранявшейся общей фабулы. Президент Ельцин переживал неуклонное снижение своей легитимности, сталкивался с серьезнейшими вызовами-угрозами для своей власти и продолжения своей политики, но каждый раз, привлекая помощников с разными ресурсами, жертвуя различными “фигурами” и “принципами”, оставался на плаву, вплоть до своего добровольного ухода накануне наступления 2000-го года.

Формально поворотными событиями можно считать каждую частную победу команды Ельцина (июнь–июль 1996 г., май, сентябрь, декабрь 1999 г., март 2000 г.), каждую победу думской оппозиции (декабрь 1995 г., сентябрь 1998 г.), однако сменялись только сподвижники президента и главные персоналии его противников, менялись способы борьбы, содержание взаимной агрессивной риторики, тогда как общий паттерн антагонизма и “игры с нулевой суммой” сохранялся.

В *большом контуре* ситуация с уровнем жизни большинства населения и преступностью все это время оставалась тяжелой, общественные настроения сдвигались не столько в пользу оппозиции, в которой стала уверенно доминировать КПРФ, сколько против Ельцина и реформ в лице Е. Гайдара и А. Чубайса. Провалы государства вполне закономерно вели к делегитимации ассоциируемых с ними политиков (см. также *принципы эффективности и справедливости*).

Скандалные дисфункции в базовых сферах государства (обеспечение порядка и монополии на насилие, сбор налогов, выплата зарплат бюджетникам, выплата пенсий) были вызваны не столько “трудностями перехода”, сколько смещением интересов и забот чиновничества: от выполнения своих обязанностей, связанных с реформами, к включению в патронажные сети, кланы и клиентеллы, манящие высокими доходами разной степени нечестности [Hale 2015]. Высшие же слои бюрократии самоустранились от налаживания необходимых механизмов контроля, поскольку многие сами были вовлечены в еще более заманчивые, масштабные проекты обогащения [Hellman 1998].

Особую роль в *большом контуре* сыграла непопулярность Первой чеченской войны, что было связано с унижительными поражениями [Демонтаж коммунизма... 2021: 227]. В полном соответствии с *принципом Вебера* произошло падение популярной, бюрократической и силовой легитимности власти, лидера и всей проводимой им политики.

Значительную роль сыграла кадровая, соответственно ментальная и поведенческая инерция советских руководящих элит на всех этапах управления, особенно в силовых структурах и регионах⁷. После краткого периода растерянности (1990–1993 гг.) были восстановлены старые советские номенклатурные связи, что во многом определило характер российской политики, начиная со второй половины 1990-х годов.

⁷ “...Элиты, происходящие из советской номенклатуры, составляли порядка 80–90% во всех Советах безопасности России — ключевом органе принятия решений в стране, ответственным за формулирование и осуществление внешней и внутренней политики... По оценке Ольги Крыштановской, в начале 1990-х годов около 50% всех глав местных администраций в советское время работали в высшей исполнительной и законодательной власти соответствующих регионов, остальные 20% — в структурах более низкого уровня, и только порядка 30% имели другой бэкграунд. Выходцы из советской номенклатуры составляли: 78% членов региональной элиты в 1992 году, 73% в 1997 г. и 66% в 2002 г.” [Снеговая* 2023: 125–127].

Стала драматически меняться расстановка сил в *малом контуре*. После уверенного выигрыша КПРФ на думских выборах в декабре 1995 г., победа Г. Зюганова на планируемых президентских выборах летом 1996 г. стала главным *вызовом-угрозой* не только для Ельцина и “младореформаторов”, но также для влиятельной, ресурсно богатой группы бенефициаров первых постсоветских лет, которых стали называть “олигархами” и семибанкирщиной.

Лавры внешне достойного завершения войны достались генералу А. Лебедю, который приблизился к массово востребованному образу “Спасителя Отечества”. Умелое политтехнологическое использование популярности Лебеда, его почетное третье место в первом туре выборов, демонстративное возвышение перед вторым туром обеспечили Ельцину, казалось бы, триумфальную победу. Позже Ельцин уволил амбициозного и ставшего слишком популярным генерала.

В долговременном плане главную печальную роль сыграла другая “жертва”, принесенная ради победы на тех же выборах, согласно *принципу соскальзывания*. Во всю мощь использовались административные и медийные ресурсы (кампания “Не дай Бог!”), именно эти выборы стали первыми по-настоящему управляемыми⁸.

Напряженность не спадала. Новый вызов-угроза созрел в движении генерала Л. Рохлина. Судя по многим свидетельствам, готовился антипрезидентский мятеж с участием возмущенных граждан и военных частей. Если же убийство Рохлина (по официальной версии совершенное его женой) было спланированным и связанным с готовящимся мятежом, то весьма значимый в политике моральный барьер был тогда преодолен. Стали раскручиваться обвинения “Семьи” в коррупции. Ответом на этот *вызов-угрозу* стала дискредитация посредством позорящего видео, снятого скрытой камерой, и последующая отставка генпрокурора Ю. Скуратова. Оба случая — яркие проявления действия *принципа соскальзывания*.

Весной 1999 г. вновь назрела угроза импичмента Ельцина с перспективой передачи президентского поста Примакову, который к тому же набрал значительную популярность своим знаменитым разворотом над Атлантикой. После отставки Примакова (12 мая 1999 г.), судя по всему, в ближнем кругу Ельцина шла напряженная работа по подготовке “преемника”. В августе начались столкновения на границе Чечни и Дагестана. Обстановка накалялась на фоне сентябрьских взрывов в Москве и Волгодонске, истории с “рязанским сахаром”, началом Второй чеченской войны, которая уже получала массовую поддержку (*принципы соскальзывания и оправданной силы*). Думские выборы в декабре, когда “Единство” во главе с Сергеем Шойгу набрала голосов почти вровень с КПРФ (см. *принцип Вебера*), последующее окончательное решение о преемнике и добровольный уход Ельцина завершают политическую историю 1990-х годов.

МОДЕЛЬ СОСКАЛЬЗЫВАНИЯ К АВТОРИТАРИЗМУ

Рассмотрим модель динамической взаимосвязи между меняющимися структурными условиями и политическими решениями, действиями в качестве объяснения внутренних механизмов конфликтной динамики 1991-1999 гг. (см. рис. 6).

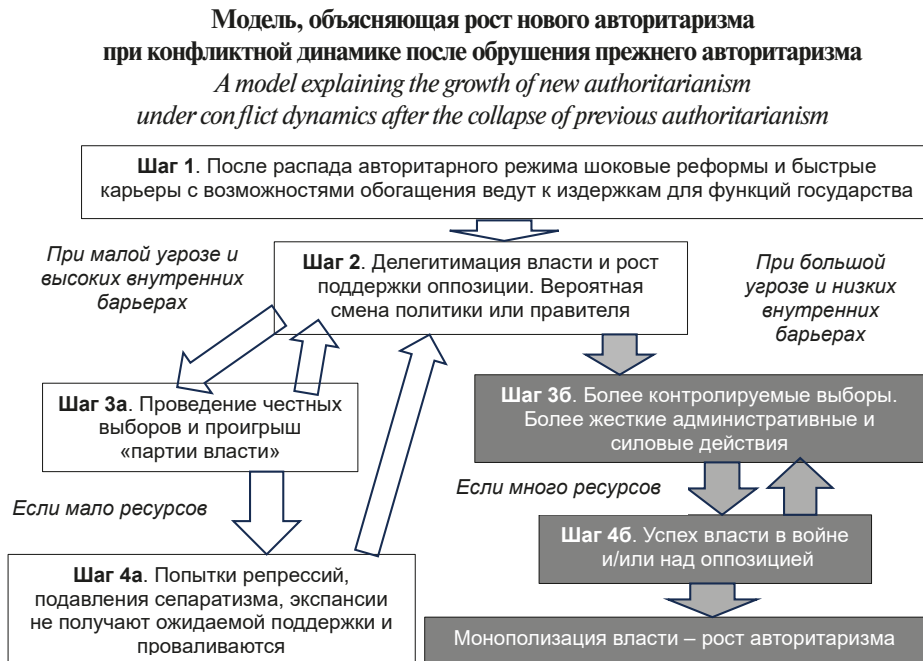
⁸ Фальсификации были отмечены преимущественно в республиках Северного Кавказа, причем последовательно в пользу предполагаемого победителя: Зюганова в первом туре и Ельцина — во втором.

Шаг 1. После смены прежнего авторитарного режима, при ослабленных административных и правовых ограничениях, чиновники, политики, связанные с ними представители бизнеса и финансовой сферы, стремясь сохранить свои позиции и достигнуть более высоких, пользуются полномочиями, наращивают свои административные и материальные ресурсы с издержками для функций государства и благосостояния масс.

Шаг 2. Такие действия имеют последствия в несправедливом распределении, в невыполнении государственных обязательств, функций поддержания правопорядка, что снижает популярную легитимность верховной власти и порождает вызовы-угрозы для правителя. Растет легитимность соперников, оппозиции, других ветвей власти.

Шаг 3а. Для ответа на эти вызовы правитель, пришедший к власти на волне возмущения против авторитаризма, согласно внутренним моральным и внешним правовым ограничениям, пытается укрепить свои позиции в электоральном поле через честную борьбу по правилам (демократические парламентские выборы), но проигрывает их вследствие снижения популярной легитимности его самого и поддерживающих его партий. Происходит возврат к шагу 2. При росте угроз для власти повышается вероятность перехода к шагу 3б.

Рисунок 6 (Figure 6)

Шаг 4а. Попытка восстановления легитимности через ужесточение внутренней политики, усиление борьбы с региональным сепаратизмом. При недостаточности ресурсов и решимости подавить соперников и оппозицию в других ветвях власти не удастся, а война завершается безрезультатно и с репутационными потерями, соответственно, еще больше снижается легитимность правителя, вновь происходит возврат к шагу 2.

Повтор цикла $2 \rightarrow 3a \rightarrow 4a \rightarrow 2$ ведет к радикальной смене политики или смене правителя, причем, чтобы не повторять провалы прежних стратегий, реализуются противоположные — более жесткие (петля $3b \rightarrow 4b \rightarrow 3b$).

Шаг 3б. Столкнувшись с сильной угрозой полностью утратить власть, правитель склонен нарушать остающиеся внутренние барьеры. Он накапливает силовые и административные ресурсы, проявляет решимость в подавлении политических соперников, сепаратизма, во внешней экспансии, оправдывая это необходимостью укрепления державы, рассчитывая на повышение престижа могущества и посмертной славы.

Шаг 4б. При достаточности ресурсов, решимости, благодаря массированному применению силовых методов и структур удастся выиграть войну и/или принудить противников и соперников к миру. При этом легитимность правителя растет. В дальнейшем он будет в критических ситуациях делать ставку на принуждение и насилие, что означает возврат к шагу 3б.

При закономерном переходе от петли $2 \rightarrow 3a \rightarrow 4a \rightarrow 2$ к петле $2 \rightarrow 3b \rightarrow 4b \rightarrow 3b$ происходит снижение коллегиальной разделенности власти (паттерн “воронки”), соответственно, монополизация власти, рост авторитаризма и демодернизация.

ТИПОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭЛИТ И МАСС В ПРОДОЛЖАЮЩЕМСЯ ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

Хотя основные повороты конфликтной политики 1990-х годов получили свое объяснение в соответствии со сформулированными выше принципами и представленными моделями, остается существенная неясность относительно вопроса, имеющего кардинальное значение.

Почему, несмотря на столь значимые позитивные институциональные изменения, достигнутые после обрушения коммунистического режима (свобода слова, свобода печати, многопартийность, открытая конкурентная политика, более или менее честные выборы и др.), акторы столь упорно вели бескомпромиссную антагонистическую борьбу, тем самым подрывая возможности для повышения КРВ, а значит, и демократичности политической системы?

Попробуем хотя бы наметить способы ответа на этот вопрос, привлекая как общие политико-социологические интуиции, так и представления об особенностях российской политической культуры. Тот же вопрос сформулируем в более общем виде. *При каких условиях побеждают тенденции к “игре с нулевой суммой” (“игре в царя горы”), к отказу от совместного достижения компромиссов, отказу от внутренних запретов на “решительные меры” (читай: применение политического насилия)?*

Лидеры противостоящих сторон в конфликте всегда особенно остро озабочены собственной легитимностью, оправданностью своих решений и действий в глазах *сподвижников* — богатых ресурсами элит, а также избирателей, если результаты выборов неподконтрольны и ведут к политическим последствиям.

Отвечая на конфликтные вызовы, лидер каждой стороны вырабатывает ответное решение, учитывая мнения ближайших советников, подчиненных, получивших от лидера полномочия и ресурсы (административные, силовые, финансовые), членов своего клана. Потеря лидерской роли и “лица” в их глазах недопустима. Хуже всего — отдать такой приказ, который не будет выполняться, и никого за это уже нельзя будет наказать.

Предположительно, сподвижники в наименьшей мере настроены на компромиссы, склонны толкать лидера к стратегиям захвата монопольной власти при сочетании нескольких условий из следующего ряда:

- сподвижники социально отделены от членов противной стороны, не имеют с ними профессиональных или иных связей либо потеряли их в результате прошлых конфликтов;

- они сами являются мишенями обвинений и нападков со стороны противников, чувствуют неустойчивость и большую уязвимость своих позиций при продолжении конфликта, при отсутствии полной победы, тем более при проигрыше (*принцип соскальзывания*);

- издержки от “решительных действий”, потеря легитимности грозят не сподвижникам, а только лидеру;

- в недавнем историческом опыте уступки и компромиссы не усилили, а только ослабили позиции лидера, значит, и самих сподвижников; иными словами, такие действия получили отрицательное подкрепление; при этом прошлые победы считаются плодами именно твердой позиции и решительных действий, которые получили, тем самым, положительное подкрепление (см. *принцип Скиннера*).

Настроения больших групп избирателей в *большом контуре* также приходится учитывать. Если политическое поведение элит представляется в значительной мере циничным и оппортунистическим, то “простые люди”, скорее, характеризуются идеализмом, патернализмом, краткосрочным прагматизмом и внушаемостью.

В российском менталитете *идеализм* предстает как приверженность ценностям, принципам “справедливости”, “правды”, “порядка”, которые должен обеспечивать “правильный”, или “настоящий”, “Царь”. В доверчивости к такому “Царю” (Вождю, Спасителю Отечества и т.п.) как раз и заключается *патернализм*. “Царь” нередко объявляется “ненастоящим”, когда он показывает слабость и растут массовые подозрения в том, что он правит не “по правде” (см. *принципы эффективности и оправданной силы*).

Краткосрочный прагматизм состоит в прямом выведении “правильности” и “неправильности” правления, соответственно, из собственного приемлемого, растущего благосостояния и из его падения (см. *принцип справедливости*). В таких оценках значима высокая *внушаемость*, поскольку сама эта связь никогда не бывает прямой и очевидной. Она навязывается разным группам референтными для них медиа (в 1990-е годы это были телеканалы, газеты и журналы) и связанными с этими медиа “лидерами общественного мнения”.

Данные характеристики особым образом распределены по трем большим группам, две из которых тяготеют к противоположным полюсам: ядро поддержки одной стороны конфликта и ядро поддержки другой. В обеих группах господствует идеализм, только в отношении к разным ценностям и принципам (например, свободы — рынка — демократии и величия — порядка — справедливости). Между полярными группами находится “болото”, которое больше озабочено не принципами, а собственным благосостоянием. Ментальность “болота” далека от идеализма, верности принципам, при этом характеризуется повышенной внушаемостью, восприимчивостью к обвинениям типа “Вот кто виновен в том, что вы живете так плохо!”.

В зависимости от колебаний настроений и убедительности пропаганды большинство этой многочисленной срединной группы примыкает то к одному, то к другому полюсу. Такие неустойчивые настроения обуславливают известные размашистые колебания легитимности лидеров; достаточно указать на взлеты и падения популярности Горбачева и Ельцина.

Здесь проявляется существенная зависимость поведения акторов в конфликтной динамике *малого контура* от структурных черт массовой политической культуры в *большом контуре*. Действительно, если бы на месте “болота” находился устойчивый “центр” со своими стабильными установками, то для завоевания его доверия лидеры и элиты старались бы не впадать в крайности, соглашались на компромиссы и выстраивать политику без антагонизмов. Если же “болото” лишено собственных ценностных “якорей” и переливается от одного края к другому, то риторика, связанные с ней решения, действия конфликтующих сторон склонны к большей радикальности. В таких условиях кто более убедительно заклеит противника как виновника обнищания или как ретрограда, вынашивающего планы подрыва реформ, возврата к прежнему опостылевшему режиму, тот не без оснований может надеяться на выигрыш в глазах внушаемой и “текучей” группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложная конфликтная динамика 1990-х годов еще долго будет предметом политического анализа. Итоги представленных рассуждений относительно выделенных аспектов выразим в форме следующих обобщений, нуждающихся, безусловно, в дальнейшем уточнении.

Каждый политический кризис данного периода, точнее, острый конфликт с вызовами-угрозами для верховной власти, завершался авторитарным трендом и падением уровня КРВ: для ГКЧП в августе 1991 г., а потом каждый раз при “победах” президента Ельцина и его менявшейся команды.

Во всех фазах конфликта уступки и попытки компромиссов не приводили к преодолению антагонизма, даже не смягчали противостояние. Причины этого еще предстоит изучать, но следующие причинные слои уже можно отметить:

- традиционное неприятие “двоевластия” российскими политиками, элитами, массами;
- низкие способности акторов к горизонтальным договорам;
- сильное взаимное недоверие между акторами в *малом контуре*;
- надежды оппозиции на “опрокидывающие” волеизъявления народа или парламента при действительном снижении легитимности президента и правительства в *большом контуре*.

Динамический аспект этих сложных взаимодействий выражен в представленной выше шаговой модели поэтапного и закономерного в сложившихся условиях сдвига к авторитаризму, свертывания открытой демократической политики при одновременном усилении ставок верховной власти на административные и силовые меры, включающие военные операции.

В целом реальная демократическая политика 1990-х годов с непредсказуемыми выборами привела не к установлению коллегиального разделения власти (КРВ) как основы классической демократии-полиархии, а к тренду

угасания последней. С учетом сформулированных общих принципов и начальных условий каждого кризиса этот досадный парадокс представляется вполне закономерным.

Среди элит и масс политическая борьба этого периода ассоциировалась с тревожным антагонизмом, неспособностью государства обеспечивать порядок и безопасность, обнищанием многих, незаконным обогащением немногих, что позже получило хлесткий эпитет “лихие девяностые”.

Сами реформаторские элиты неоднократно переживали фрустрацию, не получая ожидавшейся электоральной поддержки. Таким образом, конкурентная политика, разделенность власти и паритетность центров силы обрели не положительное, а отрицательное подкрепление, причем для всех сторон. Открытые с конца 1980-х годов возможности политической модернизации не были реализованы и последовательно сменялись демодернизацией.

Трудно сказать, когда и какие сложатся условия, позволяющие переломить этот тренд.

DOI: [10.17976/jpps/2024.03.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.10)

POLITICAL (DE)MODERNIZATION OF RUSSIA IN THE 1990s: TURNING EVENTS AND MODELS OF CONFLICT DYNAMICS

N.S. Rozov^{1, 2}

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*

² *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia*

ROZOV, Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University, email: nrozov@gmail.com

Rozov, N.S. (2024). Political (de)modernization of Russia in the 1990s: turning events and models of conflict dynamics. *Polis. Political Studies*, 3, 142–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.10>

Received: 04.12.2023. Accepted: 16.02.2024

Abstract. A set of theoretical models are presented to explain the complex political dynamics in Russia in the 1990s. The parametric model is used to analyze the fluctuations of the political system in a conditional space defined by two axes: the scale of collegial division of power (CDP) and the level of state success. Major turning events as closely related structural changes shift the state of the political system along both axes. Political modernization occurs when success and CDP rise, while demodernization is defined as a decline on one or both scales. The contours model combines structure and agency processes and takes into account two contours of political dynamics. In the large – socio-political – contour, turning events affect grassroot structures and processes related to objective conditions of life, subjective moods, and behavioral attitudes of broad groups of the population. In the small contour (interactions of political actors with their rivalry and conflicts) the same turning events change the balance of power of the main players in national politics. The general principles of the dynamics of the CDP, state success in their interrelation, as a result of turning events as a consequence of the interaction of actors in the small loop under the influence of processes in the large loop are formulated. A step-by-step model explaining the natural shift to authoritarianism on the basis of these principles and under special conditions is proposed. Through these models, the mechanisms of conflict dynamics and socio-political processes of the 1990s in Russia are presented, when the processes of political modernization began to be combined with and then replaced by trends of demodernization.

Keywords: turning events, political dynamics, conflict dynamics, collegial power sharing, legitimacy, challenges and responses, collegial division of power, Russian politics in the 1990s.

References

- Carothers, T. (2002). The end of transition paradigm. *Journal of Democracy*, 13(1), 5-21. <https://doi.org/10.1353/jod.2002.0003>
- Rabkin, Y., & Minakov, M. (Ed.). (2018). Demodernization. A future in the past. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Hale, H.E. (2015). Patronal politics. Eurasian regime change dynamics in comparative perspective. New York: Cambridge University Press.
- Hellie, R. (2005). The structure of Russian imperial history. *History and Theory*, 44(4), 88-112. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2005.00344.x>
- Hellman, J.S. (1998). Winners take all: the politics of partial reform in postcommunist transitions. *World Politics*, 50(2), 203-234. <https://doi.org/10.1017/S0043887100008091>
- McFaul, M. (2002). The fourth wave of democracy and dictatorship: noncooperative transitions in the postcommunist world. *World politics*, 54(2), 212-244. <https://doi.org/10.1353/wp.2002.0004>
- Akhiezer, A.S. (1997). Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: sotsiokul'turnaya dinamika Rossii. Vol. 1. Ot proshlogo k budushchemu [Russia: critique of historical experience: sociocultural dynamics of Russia. Vol. 1. From past to future]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.)
- Collins, R. (2015). Macrohistory: essays in sociology of the long run. (Russ. ed.: Collins, R. Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti. Moscow: URSS).
- Goldstone, J.A. (2015). Revolutions. A very short introduction. (Russ. ed.: Goldstone, J.A. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie. Moscow: Gaidar Institute Press).
- Khasbulatov, R.I. (1994). Velikaya rossiiskaya tragediya [The great Russian tragedy]. Moscow: Sims Publishing House. (In Russ.)
- Klyamkin, I.M. (2007). Postmilitaristskoe gosudarstvo [Postmilitarist State]. In I.M. Klyamkin (Ed.), *Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra [Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow]* (pp. 16-22). Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Machiavelli, N. (2020). Il Principe. (Russ. ed.: Machiavelli, N. Gosudar'. Moscow: Akademicheskii proekt).
- Pantin, V.I., & Lapkin, V.V. (2007). Politicheskaya modernizatsiya Rossii: tsikly, osobennosti, zakonomernosti [Political modernization of Russia: cycles, features, patterns]. Moscow: Russkoe slovo Publishers. (In Russ.)
- Ponimaya "devyanostye" [Understanding the "Nineties"]. (2013). Moscow: Znanie. (In Russ.)
- Rogov, K.Yu.* (Ed.). (2021). Demontazh kommunizma. Tridtsat' let spustya. Genezis i ehvolyutsiya postsovetsskikh politii [Dismantling Communism. Thirty years later. Genesis and evolution of post-Soviet politics]. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
- Rozov, N.S. (2008). Jointly divided power and the conditions of democracy in Russia in the making stage by stage. *Polis. Political Studies*, 5, 74-89. (In Russ.)
- Rozov, N.S. (2011). Koleya i pereval. Makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke [Rut and pass. Macrosociological foundations of Russia's strategies in the 21st century]. Moscow.: ROSSPEN. <https://doi.org/10.12731/978-5-8243-1480-9>. (In Russ.)
- Snegovaya, M.* (2023). Regime change in Russia? Democratic transit, which did not happen. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, 1-2, 119-135. (In Russ.) <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23928.42240>
- Shleifer, A., & Treisman, D. (2004). Normal country. *Ecovest*, 4(1), 44-78. (In Russ.)
- Weber, M. (2016). Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. (Russ. ed.: Weber, M. Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii. Moscow: HSE Publishing House).
- Yanov, A.L. (1997). Ten' Groznogo tsarya. Zagadki russkoi istorii [Shadow of the Terrible Tsar. Riddles of Russian history]. Moscow: Kruk. (In Russ.)
- Yeltsin, B.N. (1994). Zapiski prezidenta [Notes from the president]. Moscow: Ogoniok. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахиезер А.С. 1997. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Голдстоун Дж.А. 2015. Революции. Очень краткое введение. М.: Издательство Института Гайдара.
- Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. Генезис и эволюция постсоветских политий. 2021. Под ред. К.Ю. Рогова*. М.: Новое литературное обозрение.
- Ельцин Б.Н. 1994. Записки президента. М.: Издательство "Огонек".

- Клямкин И.М. 2007. Постмилитаристское государство. *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М.: Новое издательство. С. 11-28.
- Коллинз Р. 2015. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС.
- Макиавелли Н. 2020. Государь. М.: Академический проект.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. 2007. Политическая модернизация России: Циклы, особенности, закономерности. М.: Русское слово.
- Понимая “девяностые”. 2013. М.: Знание.
- Розов Н.С. 2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 74-89. EDN: JUPXAH.
- Розов Н.С. 2011. Колея и перевал. Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН. <https://doi.org/10.12731/978-5-8243-1480-9>. EDN: QOMVNX.
- Снеговая М.* 2023. Смена режима в России? Демократический транзит, которого не было. *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. Т. 20. № 1-2. С. 119-135. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23928.42240>
- Хасбулатов Р.И. 1994. Великая российская трагедия. М.: Симс.
- Шлейфер А., Трейсман Д. 2004. Нормальная страна. *Экономический вестник*. Т. 4. № 1. С. 44-78.
- Янов А.Л. 1997. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М.: Крук.